

М. Вебер – «харизмой». Харизму пытаются понять и объяснить многие поколения ученых, однако, это не всегда удается. Большинство исследователей сходится во мнении, что великие события истории дают толчок к появлению харизматических лидеров. Причем, эти события могут быть созданы с помощью слов. Как считает М. Эдилман, это происходит с помощью конструирования проблем. В обществе и мире всегда сохраняется определенное благополучие. Однако от политического лидера (оратора) зависит акцент на проблеме. Поскольку большая часть населения лишена достоверной и полной информации о действительном положении вещей в стране и в мире, то этот акцент воспринимается на веру.

Второй способ создания критической ситуации – это конструирование врагов.

Причем врагами могут быть отдельные люди, группы людей, страны. Конструирование политических врагов практикуется во все времена и в любых обществах. Реальные или созданные враги заставляют народ сплотиться вокруг своего вождя, укрепить патриотические чувства.

Однако основным механизмом личностного влияния харизматического лидера является идентификация. Механизм идентификации делает возможным для лидера такой способ влияния как воздействие личности примером. В психологии масс существует такое мнение, что управление в значительной мере осуществляется при помощи образцов. Это возможно благодаря тому, что одной из потребностей человека является, склонность к подражанию.

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Построение удачного имиджа главным образом зависит от следующих условий:

От знания и понимания настроений, требований и установок своих будущих или настоящих последователей и умения показать, что Вы – именно тот, кто полностью отвечает потребностям народа.

Построение имиджа популярного (харизматического) лидера требует не только учитывать требования момента и действовать по ситуации. Лидер всегда должен демонстрировать некоторые черты и качества, которые в сознании народа однозначно связаны с «лидерскими» качествами. К таким качествам традиционно относятся: деятельность; решительность; справедливость; забота о тех, кто признает его лидерство; беспощадность к врагам; ощущение себя всегда правым.

Чтобы лидера запомнили необходимо создать прочную ассоциацию между своим политическим именем и значимой для народа в данный момент идеей, объявив себя защитником определенного направления.

Для того, чтобы закрепить «удачный» имидж в глазах народа следует:

- а) подчеркнуть черты, которые привлекательны для народа;
- б) избегать упоминания о непривлекательных чертах лидера или указывать их мимоходом;
- в) попытаться улучшить отношение народа к манере поведения лидера и насколько возможно процесс идентификации лидера с массами.

УДК 32:316.77

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Мядель А.П., доц.

*Витебский государственный технологический университет,
г. Витебск, Республика Беларусь*

Реферат. В статье обосновывается продуктивность коммуникативного подхода в исследовании политической сферы общества.

Ключевые слова: власть, цивилизация, коммуникация, рациональность, публичность.

Проблема власти приобретает особую актуальность в период глубоких социальных преобразований. В настоящее время мировая цивилизация переживает глубокий кризис, обусловленный глобальными проблемами современности и отягощенный методологическим кризисом социально-философского знания. Содержание современных концепций власти составляют поиски новой рациональности в сфере властных отношений, осознание пределов рациональности, всеохватность, неустрашимость власти и пристальное внимание к человеку как к субъекту и объекту подчинения и властных отношений. Среди них

одним из наиболее продуктивных направлений научного поиска представляется коммуникативный подход.

Согласно Х. Арендт, «власть возникает там, где люди собираются и действуют вместе, она исчезает тогда, когда они расстанутся» [1, S.248]. Выступая в качестве своеобразного соглашения, политическая власть опирается на способность людей договариваться о совместных действиях. Эта способность базируется не столько на интересах и целях индивидов, сколько на их свойстве влиять на окружающих посредством речи и действия. Власть понимается Х. Арендт как непрерывный процесс человеческого самоутверждения в социальной среде и активного воздействия на нее: там, где власть не реализована, а рассматривается как нечто, к чему можно прибегать в экстренных случаях, она гибнет. Политическая общественность представляет то макросоциальное публичное пространство, в котором существует власть. Публичность политики здесь означает не отделенность ее от общества и связанный с этим внешний, принудительный характер политических решений, а выступает синонимом открытости, гласности принятия и реализации подавляющего большинства политических решений. Следовательно, политика – это коммуникация, в ходе которой осуществляется открытое и гласное согласование интересов, охватывающих все общество, затрагивающих самые основы человеческого общежития.

Преимущество коммуникативного подхода состоит также в том, что он рассматривает властные отношения в политике и как горизонтальные, и как вертикальные. «Я предлагаю, — пишет Ю. Хабермас, — различать в понятии политического по критерию двойной нормативно-инструментальной перспективы коммуникативно осуществляемую и административно используемую власть» [2, S.203]. Первая из них — власть, описываемая Х. Арендт, вторая — процесс обеспечения легитимности посредством использования политической системы, причем обе власти, по Ю. Хабермасу, противоположны и взаимно пересекаются. Очевидно, что данная логика приводит к необходимости различать государственную и негосударственную политическую власть, причем как по принципу противопоставления структур и иерархии государства и негосударственных политических организаций, так и по противопоставлению иерархических отношений и горизонтальной коммуникации субъектов. Наряду с этим коммуникативный подход дополняет и само понимание властного влияния: оно рассматривается не только как преодоление властвующим сопротивления подвластного, с которым он находится в отношениях иерархической зависимости.

Анализируя природу человеческого действия и ее отражение в древнегреческом и латинском языках, Х. Арендт обнаруживает, что в обоих языках действие разделяется на две четко различимые стадии: то, что будет начато, приведено в движение единственным субъектом, который ведет дело, и стадия, когда многие спешат на помощь, чтобы совместными усилиями закончить начатое. Однако в дальнейшем, согласно Х. Арендт, «начинатель и ведущий превращается в господствующего; присущая действию двусторонность исполнения... когда ведущий зависит от других, которые должны помогать ему в действии и, с другой стороны, эти другие сами зависят от ведущего... распадается на две различные функции — функцию приказа и функцию его исполнения» [3, с. 250]. Очевидно, что исходное отношение «инициатор — последователи» и совпадает, и не совпадает с итоговым отношением властной иерархии. Совпадение заключается в том, что инициатор, привлекая других к начатому делу, изменяет их поведение, влияет на них, вовлекая в орбиту своих интересов, в пространство, где он задает образцы действия, его правила и ритм.

Таким образом, горизонтальное пространство власти структурируется, приобретая различную плотность вследствие возникновения нескольких центров притяжения, которые, распространяя или удерживая инициативу, играют роль своеобразных аттракторов, притягивающих к себе элементы социальности и организующих хаос гражданской и политической жизни.

Поскольку решаемые при этом проблемы, вводимые правила и процедуры могут иметь и политический, и неполитический характер, то оказывается возможным различать еще и социальную неполитическую власть, представленную влиянием культурных, религиозных, этнических, профессиональных, поселенческих и иных традиций, ценностей, норм. Пространство политической власти оказывается ограниченным как субъективно, так и объективно.

Если попытаться определить специфику политической власти, то она представляет собой специфический вид политической коммуникации, в пространстве которой воля субъекта реализуется как влияние на поведение других субъектов, осуществляясь легально и гласно и затрагивая решение проблем, приобретающих макросоциальное значение. Открытость политической власти, масштабность принимаемых ею решений позволяют

отличить ее как от политических суррогатов (аппаратной интриги, бюрократического администрирования), так и от различных проявлений семейной, корпоративной, клановой власти и зависимости.

Следует также отметить универсальность политической власти: в ее поле могут оказаться любой социальный субъект и любая проблема (начиная от личной репутации и технических характеристик изделия, кончая религиозными, художественными или научными спорами). Тем не менее это не означает абсолютности, тотальности, безграничности политической власти, которая не оставляет места для действия неполитических механизмов саморегулирования общества. Последнее обстоятельство особенно важно, поскольку в современной философско-правовой литературе отмечаются попытки поставить под сомнение правомерность отделения общества от государства и обосновать не только их полное единство, но и неизбежность не просто политического, а также и государственного вмешательства в решение всех общественных проблем [4, с. 92-93].

Акцент на легальности и гласности властной политической коммуникации, а также на ее макросоциальном масштабе не позволяет исследователю уйти от ценностно-нормативного измерения власти, равно как и от проблемы ответственности властвующих и подвластных. Сфера действия разнообразных социальных норм обозначает зачастую пределы распространения властных полномочий политики. Это действие играет решающую роль в функционировании неполитических форм власти: в семье, малой группе, общественной организации, производственном коллективе властвуют нормы морали, традиции, технические и частноправовые нормы. Доминирующая мотивация такого властвования интравертна. Целью его является не внешнее достижение цели, а внутренняя самоорганизация, снятие напряженности внутри общности и её оптимизация.

Список использованных источников

1. Habermas J. Philosophisch — politische Profile/J.Habermas. — FFM: Suhrkamp, 1981.
2. Habermas J. Die Moderne — ein unvollendetes Projekt: Philosophisch-politische Aufsätze / J.Habermas. — Berlin, 1994.
3. Арендт Х. Vita 15ctive, или О деятельной жизни / Х. Арендт — СПб., 2000.
4. Поздняков Э.А. Философия государства и права / Э.А. Поздняков. — М., 1995.

УДК 316.4

ОГРАНИЧЕНИЯ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Уткевич В.А.¹, доц., Уткевич О.И.², доц.

¹ *Витебский государственный университет имени П. М. Машерова,*

² *Витебский государственный технологический университет,
г. Витебск, Республика Беларусь*

Реферат. В статье рассматривается роль социальных ограничений в обществе. На основе «Декларации о праве на развитие» показывается, что подобного рода ограничения являются не просто важнейшими свойствами, но и неотъемлемыми атрибутами всякого процесса позитивного развития как индивида, так и общества в целом.

Ключевые слова: развитие, ограничения, общество, права, обязанности, свобода.

Всякий процесс развития, если понимать его не просто как простое количественное изменение состояния объекта, а как изменение, которое сопровождается переходом данного объекта в качественно иное состояние, уже по самой своей содержательной сущности требует наличия границы, разделяющей между собой эти различные качества. А поскольку развитие является всеобщим свойством бытия, то, следовательно, и ограничение (т.е. наличие границы) является также всеобщим, неотъемлемым атрибутом развития.

Очевидно, что любой человек с самого момента своего рождения ограничен во времени конкретными рамками своей земной жизни. Наряду с этим, человек ограничен и пространственными рамками бытия. Говоря языком экзистенциальной философии, человек живет только лишь здесь и сейчас («сейчас» – в данном контексте может означать любой квант человеческого бытия, в том числе и всю жизнь в целом). Если же соединить оба типа указанных ограничений, то в результате можно прийти к выводу о том, что человеческая